Бутман Колыбанович и царь Петр Алексеевич

Как про бенного сказать, да про белого,
Про удалого сказать доронна молодца.
Он и ходит-де, удалой доброй молодец,
На цареви-то ходит большом кабаки,
На кружале он ходит восударевом,
Он и пьёт вного, детина, зелена вина,
Он не цярою пьет сам, не стоканами —
Он откатыват боцьки-сороковоцьки.
Во хмелю-ту сам детина выпиваетца,
Из речей-то Бутман-сын вышибаетсе:
«Уж я силушкою ноньце царя сильне,
Уж я сметоцькою царя посметливе!»
Пригожались у царя люди придворныя,
Как придворныя люди — губернаторы,
Губернаторы, люди толстобрюхие.
Они скоро пошли, царю доно́сили:
«Уж ты ой еси, надежа православной царь!
Ты со ярости Пёт сын Алексеевич!
У тя ходит на цареви большом кабаки,
На кружале-то ходит восударевом,
Молодой сын Бутман да Колыбанович.
Он и пьет вного, детина, зелено вино,
Он не цярою пьет да не стоканами —
Он откатыват боцьки-сороковоцьки,
Во хмелю-то детина выпиваетца,
Из рецей-то Бутман сам похваляетсе:
„Уж силушкою ноньце царя сильне,
Уж я сметоцькою царя посметливе!“»
Как гореця его [*царя*] кров да разгорелась,
Могуци́ его плеця да расходилисе,
Не увидел бы надежа свету белого,
Он послал бы трех слуг да немилостивых,
Немилостивых слуг, да не жалосливых:
«Как сковать его, связать, да так ко мне тащить!»
Как пошли они, палачи всё буятныя,

Подошли они Бутману, низко кланялись:
«Уж ты ой еси, Бутман да сын Колыбанович!
Ты пойдем ко царю да на почесен пир,
Пировать-столовать, да ествы кушати». —
«Вы постойте-ко, робята, поманитесь же,
Уж я выпью же цяру зелена вина,
Я не малую цяру — полтора ведра».
Уж берёт-то он цяру единой рукой,
Выпивает он цяру единым духом.
«Не окатила эта цяра ретиво серцо,
Не звеселила эта цяра буйну голову,
Мы топереця пойдем да на почесен пир».
Подошли они ко гриням богатырьскиям,
Как во те же полаты белыкаменны,
Он ставал перед царем да на резвы ноги,
Как на те же на коленки богатырьския:
«Уж ты ой еси, надежа православной царь!
Ты со яросью Пе́тр Алексеевич!
Ты за што меня зовёшь, да за што требуёшь?
Уже што я тибе ноньце наделал так?
Уже што я тибе да напрокучил так?»
Говорит-то надежа православной царь:
«Уж ты ой еси, Бутман сын Колыбанович!
Уж ты ходишь на царевом большом кабаке,
На кружале ты ходишь восударевом,
Уж ты пьёшь же, Бутман, да зелено вино,
Во хмелю ты, детина, выпиваишьсе,
Во речах ты, детина, шибоват живешь:
„Уж я силушкою буду царя сильне,
Уж сметоцькою царя посметливе“.
Засажу я тебя в стены каменны,
Я замкну тебя в замки окованы,
Я ссеку-де, срублю у тебя буйну голову!»
Говорит же Бутман сын Колыбанович:
«Ты попомни-ко, надежа, сам подумай-ко,
Когда был ты, надежа, во чужой земли,
Уж ты был во земли да во поганой же,
Как во той во Ёрды, да во проклятой же,
Тебя хто же оттуль тогды повыкупил?

Тебя хто же оттуль тогды повыручил?
Тебя хто же оттуль тогды на свет спустил?» —
«Не пустым ты, детина, похволяишьсе!
Уж я много тебе дам да золотой казны,
Города тебе дам да с пригородками,
Я села́ тебе дам да со деревнями». —
«Мне не надо твоя да золота казна,
Мне не надо города ’ пригородками,
Мне больши твои сёла со деревнями,
Только дай мне-ка пить вина безденежно,
Как безденежно вина, да бескопеечно».
Царь писал ярлаки, да скоры грамотки,
Россылал ярлаки на четыре стороны,
Штобы пить ему вино безденежно,
Как безденежно Бутману, бескопеечно.
Тут зашел-де Бутман да во новой кабак,
Он и взял ле он бочку под праву руку,
Он топнул-де в пол да как правой ногой —
Как рассыпалась печь, печь кирпичная,
Как пошел же Бутман вон на улицу.
«Уж вы ой еси, голи все кабачкия!
У кого у вас болят нынь буйны головы,
Выходите за мной вон на улицу!»

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., сел. Замежное (Замег) Усть-Цилемской вол. (на р. Пижме) — от Чупровой Устиньи Филипповны)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.